

**ВЕСТНИК ИСТОРИЧЕСКИХ
НАУК**

2024, Том 2, №4

Подписано к публикации: 27.12.2024

**Главный редактор
журнала:**

доктор исторических наук,
доцент

**Кирчанов
Максим
Валерьевич**

E-mail: vin-journal@yandex.ru

Сайт: <https://vin-journal.ru>

**Редакционная коллегия по основным
направлениям работы журнала:**

Безбородов Александр Борисович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, профессор
Бондарь Ирина Алексеевна (РФ, г. Ессентуки) – доктор исторических наук, доцент
Волкова Екатерина Александровна (РФ, г. Воронеж) – доктор исторических наук, доцент
Воробьева Наталия Владимировна (РФ, г. Омск) – доктор исторических наук, доцент
Гилязов Искандер Аязович (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор
Грибовский Михаил Викторович (РФ, г. Томск) – доктор исторических наук, доцент
Исхаков Салават Мидхатович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Канторович Анатолий Робертович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент
Киселев Александр Георгиевич (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор
Корнилова Ирина Валерьевна (РФ, г. Набережные Челны) – доктор исторических наук, доцент
Курукин Игорь Владимирович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент
Ланской Григорий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент
Мухамедов Рашид Алимович (РФ, г. Ульяновск) – доктор исторических наук, профессор
Пашков Александр Михайлович (РФ, г. Петрозаводск) – доктор исторических наук, профессор
Прищепа Александр Иванович (РФ, г. Сургут) – доктор исторических наук, профессор
Рыкун Галина Николаевна (РФ, г. Пятигорск) – доктор исторических наук, профессор, Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказский Федеральный университет
Ситдииков Айрат Габитович (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор
Синицин Олег Владимирович (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор
Скопа Виталий Александрович (РФ, Барнаул) – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Тимошенко Валерий Николаевич (РФ, г. Хабаровск) – доктор исторических наук, доцент
Хубулова Светлана Алексеевна (РФ, г. Ессентуки) – доктор исторических наук, профессор
Худолеев Алексей Николаевич (РФ, г. Новокузнецк) – доктор исторических наук, доцент
Цветков Василий Жанович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент
Чуркин Михаил Константинович (РФ, г. Омск) – доктор исторических наук, профессор
Юмашева Юлия Юрьевна (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент

Содержание

Филатов Н.П.

Характер и особенности методов политической пропаганды, применявшихся советской властью в отношении населения оккупированных территорий СССР в начальный период Великой Отечественной войны 4-19

Воробьева Н.В.

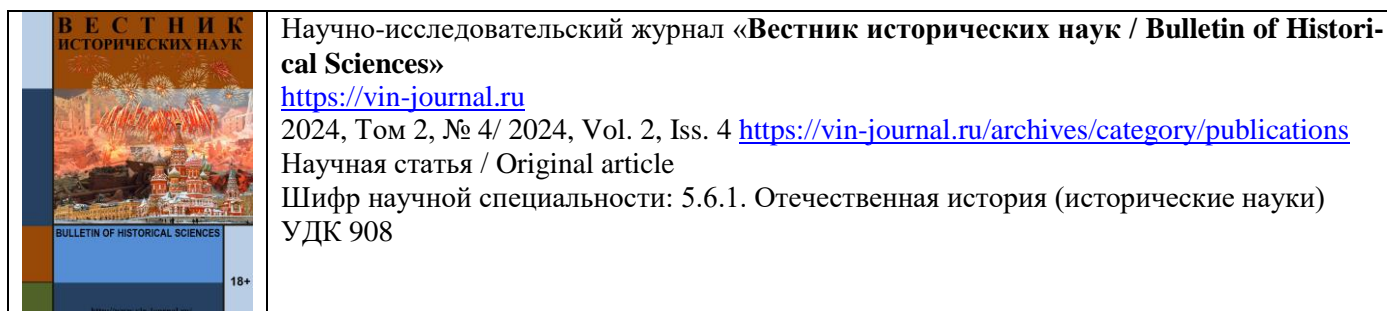
Историческая память курсантов военного вуза 20-28

Бойко В.С.

Международные отношения и трансформация глобальных центров власти: сравнительный анализ формирования политических систем в Китае и Европе в средние века 29-36

Скопа В.А.

Распространение христианства и формирование религиозного ландшафта в раннем средневековье: динамика распространения и взаимодействия христианства, иудаизма и язычества 37-44

¹ Филатов Н.П.,

¹ Алтайский государственный педагогический университет

Характер и особенности методов политической пропаганды, применявшихся советской властью в отношении населения оккупированных территорий СССР в начальный период Великой Отечественной войны

Аннотация: работа посвящена анализу содержания, структуры и способов распространения агитационно-пропагандистских материалов, разработанных и распространявшихся компетентными учреждениями и организациями Советского Союза (Управлением пропаганды и агитации Центрального комитета Всесоюзной Коммунистической Партии большевиков – ЦК ВКП(б), Главным политическим управлением Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Главным (центральным) штабом партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования, а также партийными и советскими структурами) на территориях, временно оккупированных германскими войсками в начальный период Великой Отечественной войны. Автор описывает социально-политическую ситуацию, сложившуюся на занятой врагом части СССР; дает характеристику формам и способам агитационно-пропагандистской деятельности, ориентированной на местное население оккупированных территорий; указывает как на факторы, способствовавшие росту эффективности политической пропаганды в условиях оккупации, так и на отдельные просчеты в использовавшихся методах и нарративах. На основе изучения богатого эмпирического материала (в том числе архивных данных) выявлены и структурированы по значимости основные акценты советского информационно-пропагандистского дискурса начального периода войны, а также систематизированы количественные данные по наиболее востребованным форматам подачи пропагандистского контента и идейному ряду политико-идеологического воздействия. По итогам проведенного исследования сформулирована авторская позиция, касающаяся оценки эффективности советской политической пропаганды в 1941-1942 гг., а также выявлены основополагающие принципы в ее содержании.

Ключевые слова: политическая пропаганда, Великая Отечественная война 1941-1945 гг., начальный период Великой Отечественной войны, оккупация СССР, население оккупированных территорий СССР, официальная советская пропаганда, характер и эффективность советской политической пропаганды

Для цитирования: Филатов Н.П. Характер и особенности методов политической пропаганды, применявшихся советской властью в отношении населения оккупированных территорий СССР в начальный период Великой Отечественной войны // Вестник исторических наук. 2024. Том 2. № 4. С. 4 – 19.

Поступила в редакцию: 19 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 18 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ *Filatov N.P.*,

¹ *Altai State Pedagogical University*

The nature and features of the methods of political propaganda used by the Soviet government against the population of the occupied territories of the USSR during the initial period of the Great Patriotic War

Abstract: the work is devoted to the analysis of the content, structure and methods of dissemination of propaganda materials developed and distributed by the competent institutions and organizations of the Soviet Union (Department of Propaganda and Agitation of the Central Committee of the All-Russian Communist Party of Bolsheviks – The Central Committee of the CPSU (b), the Main Political Directorate of the Workers' and Peasants' Red Army, the Main (central) Headquarters of the partisan movement at the Headquarters of the Supreme High Command, as well as party and Soviet structures) in the territories temporarily occupied by German troops during the initial period of the Great Patriotic War. The author describes the socio-political situation in the enemy-occupied part of the USSR; describes the forms and methods of propaganda activities aimed at the local population of the occupied territories; he points out both the factors that contributed to the increase in the effectiveness of political propaganda under occupation, as well as individual miscalculations in the methods and narratives used. Based on the study of rich empirical material (including archival data), the main accents of the Soviet information and propaganda discourse of the initial period of the war have been identified and structured according to their significance, as well as quantitative data on the most popular formats for presenting propaganda content and the ideological range of political and ideological influence. Based on the results of the study, the author's position regarding the assessment of the effectiveness of Soviet political propaganda in 1941-1942 was formulated, and the fundamental principles in its content were identified.

Keywords: political propaganda, the Great Patriotic War of 1941-1945, the initial period of the Great Patriotic War, the occupation of the USSR, the population of the occupied territories of the USSR, official Soviet propaganda, the nature and effectiveness of Soviet political propaganda

For citation: Filatov N.P. The nature and features of the methods of political propaganda used by the Soviet government against the population of the occupied territories of the USSR during the initial period of the Great Patriotic War. Bulletin of Historical Sciences. 2024. 2 (4). P. 4 – 19.

The article was submitted: September 19, 2024; Approved after reviewing: November 18, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Наиболее остро вопрос научного осмысления феномена политической пропаганды в его соотношении с ситуацией ведения полномасштабной войны и необходимостью формирования общественного мнения каждой из активных сторон противостояния обозначился в период и непосредственно после Первой мировой войны. К этому времени относятся работы ряда зарубежных авторов – Гарольда Лассуэлла, Уолтера Липпманна, Карла Ховланда и др., в которых анализировались последствия вовлечения десятков миллионов людей в процесс идеологической борьбы, сопряженный с мобилизацией общества воюющего государства в интересах победы над врагом (как на поле боя, так и в массовом сознании).

Впоследствии высказанные в 1920-1930-х гг. научные идеи вызвали к жизни два крупных направления, по-разному трактовавшие природу и назначение пропаганды: *функциональное* (рассматривавшее пропаганду как конструктивный механизм формирования определенного качества общественного сознания) и *критическое* – оформившееся позднее (представители этого направления – Макс Хоркхаймер, Эрих Фромм и Теодор Адорно – усматривали в пропаганде способ манипулирования менталитетом социальной общности в целом и отдельных его индивидов в частности).

В настоящее время пропаганда, и особенно *политическая пропаганда*, выступает одним из ключевых элементов в геополитических конфликтах, сфере международных отношений и различных концепциях гибридной агрессии, который востребован в целях «формирования общественного мнения, создания разногласий внутри общества и влияния на поведение целевых аудиторий» [1, с. 4].

Материалы и методы исследований

Методы и характер политической пропаганды совершенствуются сегодня крайне интенсивно, что, на наш взгляд, обосновывает особую актуальность темы данной статьи. Кроме того, в современных условиях столь же рельефно, как и в период Великой Отечественной войны, проявляется элемент идеологического противостояния культур и мировоззрений, и этот факт также наводит на мысль о возможности проведения историко-научной аналогии с событиями 1941-1945 гг. – столкновением Советского Союза и Германии.

В настоящее время на базе понятия «пропаганда» сформировалось новое проблемное поле – «информационная война», как «коммуникативная технология по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долгосрочными целями» [2, с. 661]. Основываясь на современных достижениях научно-технического прогресса, новейших ИТ-решениях и онлайн-коммуникации, новый тип агрессивных действий подразумевает дезорганизацию общества, выступающего объектом информационной агрессии, из-

нутри, за счет искусственного конструирования в сознании людей ложных стереотипов [3].

В русле рассматриваемой темы политическую пропаганду следует анализировать с точки зрения ее роли в оформлении системы ментальных связей конкретного общества, обеспечивающих целостность национального самосознания и структуры морально-нравственных ценностей, присущих образу жизни этого общества, то есть как коммуникативную технологию, созданную «одной социальной группой с целью повлиять на мнение, установки и поведение других»; при этом субъектом пропаганды часто задействуется символизм и специфическая риторика, которая «обращена к эмоциональному и иррациональному аспектам нашего восприятия» [4, с. 228].

Некоторые аспекты реализации концепции политической пропаганды, проводившейся в жизнь руководством СССР в годы войны, представлены в публикациях и монографических исследованиях разных лет как отечественных авторов (В.А. Горелкин, С.В. Кулик, Н.Д. Козлов, В.А. Невежин, Е.Ф. Кринко, Е.С. Сенявская, А.Ю. Безугольный, Б.Н. Ковалев, Т.М. Горяева, А.С. Горлов, Е.М. Малышева и др. [5; 6; 7; 8]), так и зарубежных (Т. Мартин, Дж. Хоскинг, Д. Байрау, Й. Шлоотц, Д. Бранденбергер, Б. Кьяри, У. Хальбах, Д. ван Лаак, Ш. Барановски, С.М. Майнер, Р.-Д. Мюллер, Н.Б. Попович и др. [9; 10; 11]).

При этом, как в стане советских (российских), так и западных исследователей встречаются диаметрально противоположные оценки результативности методов, использованных в период Великой Отечественной войны пропагандистским аппаратом Советского Союза. Так, С.М. Майнер, Э. Хобсбаум, Й. Шлоотц и Н.Б. Попович оценивают ее довольно высоко, отмечая, что советская пропаганда, «направленная на пробуждение и усиление русской национальной гордости и патриотизма, стремилась к усилению морального духа армии и народа, которые, в свою очередь, видя преступления фашистов, ощутили, что государственная пропаганда совпадает с их собственными чувствами» [12, с. 120]. Й. Хофман, напротив, считает ее малопродуктивной, а У. Хальбах указывает на вынужденность идеологического маневра сталинской власти по отношению к религиозным структурам в виду тяжелого положения на фронте в начальный период войны.

Результаты и обсуждения

В отечественной исторической традиции позитивную роль политической пропаганды, ориентированной на население СССР в годы войны отмечают В.Н. Басилов, Н.В. Подпрятков и многие др., приводя аргументы в пользу роста национальной гордости и постепенного оформления уникальной «советской» идентичности как общего знаменателя для всех народов и народностей, населявших СССР (в том числе проживавших в тот период на оккупированных территориях). Имперские амбиции и давление «великорусского начала» видит в приемах советской пропаганды и содержании пропагандистских материалов официальной Москвы Г.Д. Бурдей. А С.В. Шпаковская, Н.Д. Козлов и др. сомневаются в эффективности избранной пропагандистами Ставки линии формирования антинемецких настроений у широких кругов населения Советского Союза.

В этой связи особый интерес, по нашему мнению, представляет рассмотрение содержания пропагандистских материалов, ориентированных на советское население оккупированных территорий, и изучение каналов, по которым идеологический нарратив достигал своей аудитории, находившейся в глубоком тылу

противника. Это позволит выявить основные тенденции и смысловые ядра в сфере официальной советской пропаганды тех лет.

При решении перечисленных выше задач автор данной статьи опирался на комплекс методов, в который вошли как универсальные (статистический и исторический методы, а также методы системного анализа и контент-анализа), так и специальные (сопоставительный и хронологический методы, метод научного обобщения).

В предметную область нашего исследования включены агитационно-пропагандистские материалы, разработанные советскими полторганами для распространения на территориях Советского Союза, временно оккупированных немецко-фашистскими войсками в первые годы войны (с июня 1941 г. до начала 1943 г.).

В первые месяцы войны закономерно проявилась хрупкость советской системы жизнеустройства на территориях, включенных в состав СССР в 1939-1941 гг. В этот период голову подняли сепаратисты, антикоммунисты, антисоветски настроенные радикалы. Группы экстремистов терроризировали служащих советских организаций, устраивали диверсии на объектах жизнеобеспечения населенных пунктов, совершали налеты на разрозненные группы бойцов Красной Армии. Особенно активизировались в этом отношении прибалтийские регионы и западноукраинские националистические ячейки. Определенную роль сыграла также политика советских властей, рекомендовавшая парторганизациям прифронтовых регионов «при вынужденном отходе частей Красной Армии <...> не оставлять врагу <...> ни килограмма хлеба, ни литра горючего», «угонять скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы», при этом «ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безуспешно уничтожаться» [13]. Нередко создание «невыносимых условий» для врага сопровождалось санкционированным разрушением критической инфраструктуры и прочими акциями, ухудшавшими и без того тяжелое положение населения, оказавшегося под угрозой оккупации. Немало населения (в частности т.н. «совслужащие» и работники предприятий) в массово эвакуировалось вглубь территории страны, что выглядело как проявление некоего насилия со стороны государства. Эти обстоятельства восстановили часть граждан приграничных регионов против советской власти.

В такой ситуации и с учетом ряда военных неудач, руководством Советского Союза было принято решение всесторонне содействовать морально-психологическому подъему в советском обществе, направить гнев граждан на реальный источник их страданий – беспринципного агрессора. Была поставлена задача прививать жителям захваченных советских территорий «смертельную ненависть и озлобление к немецким захватчикам», подкрепить в них «уверенность в неизбежной гибели кровожадных оккупантов и победе Советского Союза», а также способствовать активизации «всенародного» партизанского сопротивления в тылу врага» [14].

Система политической пропаганды, обеспечивавшая взаимодействие с населением оккупированных территорий в начальный период войны, включала в себя находившиеся на подпольном положении органы советской власти и коммунистической партии в регионах присутствия немецко-фашистских войск, комсомольские ячейки, организованные группы партизан. На общегосударственном уровне данную сферу деятельности курировали Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), Главное политическое управление

Красной Армии, Главный штаб партизанского движения при Ставке Главного Командования (позднее – Ставке Верховного Главнокомандования).

Основным средством политико-идеологического воздействия были печатные материалы (листовки, газеты, брошюры, воззвания и пр.), распространявшиеся путем тайной раздачи, массовой расклейки, сброса фронтовой авиацией и даже сплава по рекам в закупоренных особым образом бутылках; оригинальные формы реакции на вражескую пропаганду и наглядную агитацию (к примеру, оттискивание на плакатах оккупантов специального штампа со словами «Фашистская ложь»); радиовещание специализированными радиостанциями и армейскими радиослужбами.

На оккупированные территории распространяло свой эфир государственное радио СССР (всесоюзное), а также спецстанции на национальных языках, находившиеся в Москве и Саратове, – «Савецкая Беларусь» (с начала 1942 г.), «Советская Украина» (с ноября 1941 г.), радиостанция им. Тараса Шевченко и ряд других. Однако эффективность электронных средств массовой информации была крайне низкой по причине жесткого контроля со стороны немецких оккупационных властей за наличием у населения радиооборудования.

Поэтому наиболее востребованной по понятным причинам стала практика распространения на территории, подконтрольной противнику, листовок и газет (табл. 1-3). В одной лишь БССР подпольно выпускалось и распространялось порядка 140 наименований периодической печати, выходили газеты и в «новых» регионах СССР – «Тiesa» в Литовской ССР, «За Советскую Латвию» (выпускалась еженедельно тиражом не менее 50 тыс. экземпляров).

Динамика распространения пропагандистских материалов в рамках кампании

политико-идеологического сопровождения населения временно оккупированных территорий СССР в 1941-1942 гг., дифференцированно по объему (тиражам), регионам распространения и видам продукции

Таблица 1

Table 1

Оккупированный регион СССР	Тип пропагандистских материалов	Объем (тираж, экз.)	Период
Украинская ССР	Печатная продукция	25 400 000	07.1941–11.1942
Белорусская ССР	Печатная продукция	5 000 000	01.1942–06.1942

Характер информации: официальные сообщения Советского правительства, выступления лидеров государства, фронтовые сводки, сведения социально-экономического профиля о жизни страны и ситуации на занятой врагом территории, рекомендации по противодействию врагу и пр.

Nature of information: official announcements of the Soviet government, speeches by state leaders, front-line reports, socio-economic information about the life of the country and the situation in enemy-occupied territory, recommendations for countering the enemy, etc.

Таблица 2

Table 2

Количество советских периодических изданий, выпускавшихся на оккупированных территориях		
1941 г.	1942 г.	1943 г.
16	105	281

Таблица 3

Table 3

Сброшено фронтовой авиацией над населенными пунктами, занятыми врагом и отпечатано подпольно или в типографиях партизанских отрядов	Тип пропагандист- ских материалов	Объем (тираж, экз.)	Период
Северо-Западный фронт	Листовки	7 000 000	12.1941–01.1942
Западный фронт	Листовки	28 600 000	05.1942–08.1942
Брянский фронт	Листовки	34 700 000	08.1941–09.1942
Украинская ССР	Листовки	251 600 000 (око- ло 140 видов)	02.1942–03.1943
	Листовки (оставлены в схронах для рас- пространения после отступления РККА)	26 100 000 (более 20 видов)	
Литовская ССР	Листовки	1 820	02.1942–03.1943
	Брошюры	466 000 (более 30 видов)	
	Газеты	332 000 (42 вы- пуска)	

Продолжение таблицы 3

Continuation of Table 3

Латвийская ССР	Газеты	~ 1 400 000 (более 40 выпусков)	02.1942–03.1943
Эстонская ССР	Газеты, листовки и брошюры	8 140 000	02.1942–03.1943

Источник: составлено автором на основании архивных материалов, в том числе – Докладной записки ЦК КП(б)У от 27 ноября 1942 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 104), Докладной записки ЦК КП(б) Литвы от 03 марта 1943 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 136), Докладной записки ЦК КП(б) Эстонии от 02 марта 1943 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 136), Докладной записке ЦК КП(б)Б от 27 июня 1942 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 104), Докладной записки о работе латвийской редакции Всесоюзного радиокомитета в декабре 1942 г. и в январе и феврале 1943 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 136. Материалов о работе среди советского населения оккупированных немцами районов в 1942 году (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 59), издания «Партизанские и подпольные газеты в годы Великой Отечественной войны: 1941-1944 (Москва, 1976).

Source: compiled by the author based on archival materials, including the Report of the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Ukraine dated November 27, 1942 (RGASPI. F. 17. Op. 125. D. 104), the Report of the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Lithuania dated March 3, 1943 (RGASPI. F. 17. Op. 125. D. 136), the Report of the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Estonia dated March 2, 1943 (RGASPI. F. 17. Op. 125. D. 136), the Report of the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Belarus dated June 27, 1942 (RGASPI. F. 17. Op. 125. D. 104), the Report on the work of the Latvian editorial board of the All-Union Radio Committee in December 1942 and in January and February 1943 // RGASPI. F. 17. Op. 125. D. 136. Materials on work among the Soviet population of the areas occupied by the Germans in 1942 (TsAMO. F. 32. Op. 11302. D. 59), the publication “Partisan and Underground Newspapers during the Great Patriotic War: 1941-1944 (Moscow, 1976).

Большой вклад в пропагандистскую кампанию вносили акции, проводившиеся активом партизанских соединений, часть которых обладала к тому же собственными типографскими мощностями. Партизаны устраивали встречи с населением, распространяли официальную информацию Советского информационного бюро (учрежденного уже 24 июня 1941 г.), перепечатывали в листовочном формате публикации из свежей советской периодики.

Первым важным решением в деле формирования концепции политической пропаганды (а по сути, контрпропаганды) на высшем государственном уровне был отказ от опоры на концепцию рабочего «интернационала» (хотя в первые дни войны представители советской власти в официальных заявлениях еще разделяли немецкий народ и нацистскую элиту Германии). Акцент смещался на принцип защиты отчизны от вероломного нападения, то есть на национальный фактор. Постулат о социалистической революции как главной цели развития государства и общества был заменен на национал-патриотизм и стимулирование

народно-освободительного движения [15].

Трансформация философии пропагандистских ведомств СССР началась с обращения к историческому опыту сопротивления с «чужеземными ордами завоевателей». Необходимо было в кратчайшие сроки возбудить в массе советского народа непримиримые «ярость и гнев против фашистских бандитов» [16].

В этом контексте на передний план был выдвинут культ ненависти ко всему немецкому – причем его лейтмотив гармонировал с сюжетами древнерусских летописей, посвященными борьбе Пскова и Новгорода в XIII веке с военно-монашеским Тевтонским орденом.

Поиск мыслеобразов, способных ярко проявить наиболее угрожающие и неприемлемые черты врага, происходил во многих направлениях. Так, одной из версий советской контрпропаганды было утверждение, что Германия стремится реанимировать царскую власть в России, но вскоре эта тема была отброшена и руководство государства объявило о плане крестового похода Германии против СССР с целью «разрушения национальной культуры и национальной государственности» [16] и порабощения народов Советского Союза. Еще один пример несостоявшейся эволюции концепта советской контрпропаганды – попытка весной 1942 года смягчить тон критики немецкого народа за счет переноса акцента в пропаганде на борьбу с фашизмом и нацизмом (политорганами рекомендовалось применять словосочетания вроде «гитлеровцы», «фашисты», «фашистские палачи», «оккупанты» и пр., но не «немцы»). Но эта линия была свернута всего через два-три месяца (в контексте провала оборонительной операции на Южном фронте и потери Ростова-на-Дону), что выразительно продемонстрировал текст публикации в «Красной звезде» знаменитой заметки Ильи Эренбурга «Убей!» [17]. Этот патриотический порыв быстро превратился в императив всей пропагандистской продукции, предназначенной для оккупированных территорий СССР. Такова была суть множества листовок той поры – «Наш лозунг “Победа или смерть!”. Хочешь победы – убей немца!» [18], «К советским женщинам оккупированных немцами областей» [19], «Красная армия освободит вас от немцев!» [20], «Вести с Советской Родины» [21], «Бі немца-сатану! Ударыш на Беларусі – адгукнецца на Дану» [22].

Почти сразу в идеологическом дискурсе советской пропаганды, ориентированной на оккупированные территории СССР, появились призывы «воспитывать лютую ненависть» к «захватчикам», «зверям», «насилъникам», «смертельным врагам», «грабителям» и «извергам» [23; 24]. Врага следовало «уничтожать во имя будущего своей Родины» [25, с. 15.], истреблять «всех до единого немецких оккупантов, пробравшихся на нашу Родину».

Знаменитое выступление И.В. Сталина на трибуне мавзолея В.И. Ленина 7 ноября 1941 года завершилось воззванием «Смерть немецким оккупантам!». Вскоре этот призыв занял свое место на первой странице фронтовых газет, а также стал постоянным элементом оформления листовок и прочих печатных агитационных материалов, адресованных жителям советских регионов, подконтрольных германским войскам [26].

Большой резонанс в массах населения захваченных Германией советских территорий вызвала актуализация осенью 1942 года нового направления в сфере политинформирования – регулярной публикации свидетельств о преступлениях немецко-фашистских войск против человечности на оккупированных территориях. Оформление этого формата агитационной работы произошло на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) [27]. Уже в ноябре 1942 г. завершилось формирование Чрезвычайной государственной комиссии по

установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Сообщения по линии этой Комиссии до конца войны стали постоянной рубрикой в советской печатной и радиопропаганде.

Как ответ на попытки гитлеровской пропагандистской машины использовать многонациональность СССР для подрыва основ гражданского общества, Управлением агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) стала активно реализовываться доктрина цельности советского общества, обеспеченного надежными культурно-историческими скрепами, основанными на дружбе и взаимном уважении народов Советского государства, а также братстве славян (особенно генетически и духовно связанной «белорусско-украинско-русской» триады), подкрепленном совместной борьбой за свободу и независимость [28; 29]. Последнее замечание особенно важно, поскольку, как известно, наибольшую часть населения оккупированных территорий составляли представители именно этих трех народов. Поэтому обоснование «ненависти германского фашизма к народам славянского происхождения» [30, с. 45.] и стремления нацистской верхушки завладеть «славянскими землями» [31] с августа 1941 г. (после проведения Московского всеславянского антифашистского митинга и учреждения в октябре 1941 г. Всеславянского антифашистского комитета) получило широкое представление в пропаганде.

Специфика взаимоотношений Советской власти с субъектами СССР, созданными по национальному признаку, предопределила особенности в использовании средств, методов и контента в агитационно-пропагандистских целях на территориях, оказавшихся во власти врага в начальный период войны.

В какой-то мере можно говорить о том, что в течение первых лет личностный портрет советского гражданина в идеологическом отношении уступил место ключевому качеству – принадлежности к определенной нации из числа входящих в СССР. «Советский» патриотизм превалировал лишь в контексте политико-идеологической повестки дня, адресованной русскому населению страны и взывавшей к национальной гордости русского народа как основателя великой мировой державы и хранителя уникальной самобытной культуры. Агитационные материалы, ориентированные на жителей оккупированных регионов русской национальности, обычно начинались словами «Советскому населению!». В регионах же, далеких от идей славянского братства, антифашистский посыл подавался без явного акцента на «содействие общегосударственному делу» или «борьбе за социалистический уклад жизни», – речь шла о спасении своего народа и своей культуры (такими были материалы, предназначенные для прибалтийских народов, жителей западной Украины и Советской Молдавии): в листовках, распространявшихся на Украине оккупанты назывались «губителями украинского народа»; воззвания, подчеркивавшие духовные связи украинского и польского народов, выходили за авторством советского литератора (польки по национальности) В.Л. Василевской; просоветские подпольные издания в Латвии и Литве выпускались без указания в выходных данных, какими структурами они издаются.

Отдельного внимания заслуживает курс на сотрудничество и институционализацию традиционных для СССР религиозных конфессий, обозначившийся в самом начале Великой Отечественной войны и занявший прочные позиции в агитационно-пропагандистском дискурсе, целевой аудиторией которого являлись жите-

ли подконтрольных немецко-фашистским оккупантам территорий СССР в начале войны.

Главы Русской православной церкви, Армянской апостольской и Грузинской православной церкви, иудейская община, старообрядцы и аппарат Центрального духовного управления мусульман уже в первые недели войны выступили с патриотическими обращениями к своей пастве. Так были намечены контуры сотрудничества атеистического Советского государства и религиозного сообщества, и, кроме того, сформирован мощный фактор духовного единения населения оккупированных территорий с центральной властью Советского Союза – на основе «общественного договора» о «религиозном возрождении» и отказе от воинствующего атеизма. Соглашение, достигнутое между государством и конфессиями, позволило официальной советской пропаганде уже в первые недели войны поднять на щит тезис о свободе вероисповедания, гарантированной в Советском государстве, и всячески задавленной нацистской кликой в Германии.

Рассуждения, изложенные выше, позволяют сделать вывод о том, что идеологическим стержнем советской политической пропаганды, ориентированной на жителей занятых врагом территорий в начальный период Великой Отечественной войны, стал фактор приоритета национальной идентичности, который в зависимости от конкретного региона (зоны распространения пропагандистских материалов) мог принимать одну из двух форм:

- акцентирования принадлежности человека к особой «советской» общности, символизировавшей равенство и равноправие наций, подкрепленное тезисом «советский значит русский»;
- декларирование этнической значимости человека, что предполагало, согласно данным советской пропаганды, приверженность национальному языку, самобытной культуре и религии своего народа, а также право на политическое самоопределение (то есть всё то, что немецкими оккупационными властями ущемлялось). Интересно, что данный аспект разрабатывался в идеологическом отношении только для реализации в зоне германской оккупации национальных регионов, где была велика доля советского населения, не определившегося с лояльностью к новым властям (при этом на незанятой врагом территории СССР агитационно-пропагандистские материалы с подобным «националистическим» содержанием не использовались).

На фундаменте осознания национальной идентичности советская пропаганда выстраивала систему образов и идей, которые символизировали оппозицию врага ко всему «неарийскому», неприятие Германией национальной принадлежности индивида, прямую угрозу существования человека иной национальности, что должно было развить у потребителей пропаганды генетическое неприятие всего немецкого,

Надо также отметить еще одно важное обстоятельство – так или иначе, но в первые месяцы войны советская пропаганда носила реактивный характер, отвечая на вызовы, которые генерировала сложная обстановка на фронте (утрата обширных территорий, череда военных неудач, нестабильность социально-экономической обстановки) и действия германской пропагандистской машины. Главными задачами на тот момент было развенчание мифов о непобедимости вермахта, компрометация германской идеологии и «новых порядков», устанавливаемых захватчиками на советской земле, а также противодействие вражескому информационному давлению на население оккупированных территорий. Эти императивы реализовывались в рамках традиционной советской идеологии, принципы которой (патриотизм, коллективизм, приоритет

классового принципа в жизни общества) были детально расшифрованы в «сталинской» Конституции СССР 1936 года. Однако практика показала, что в отношении различных регионов страны «универсальная» концепция советской идеологии проявляла себя по-разному и далеко не всегда имела успех. В дальнейшем это привело к формированию различных наборов политико-идеологических установок для пропагандистского контента, разрабатывавшегося для различных регионов СССР, оказавшихся в зоне оккупации, – как недавно включенных в состав Советского Союза (Западная Украина, Западная Белоруссия, Бессарабия и Северная Буковина, Прибалтийский регион), так и исконных районов СССР.

Систему нарративов советской пропаганды, ориентированной на население оккупированных территорий, можно обобщенно представить в виде следующей схемы (рис. 1).

Рис. 1. Система нарративов советской пропаганды, ориентированной на население оккупированных территорий СССР в 1941-1942 гг.

Fig. 1. The system of narratives of Soviet propaganda, aimed at the population of the occupied territories of the USSR in 1941-1942.

Основными направлениями в содержании проактивной политико-идеологической повестки дня советской пропаганды в начальный период войны стали:

- укрепление доверия к советской власти;
- популяризация преимуществ советского образа жизни;
- поддержка антигерманской религиозной идентичности на основе провозглашения союза со структурами, представляющими традиционно существующие на территории СССР религиозные общности (в первую очередь православие и мусульманство);
- культ ненависти ко всему немецкому;

- обоснование и продвижение тезиса о единстве славянских народов;
- неверие нацистским пропагандистским призывам и посулам, противопоставлявшим «движение в светлое будущее» под крылом Германии советскому принципу «дружбы народов».

Прогрессивной стороной эволюции советской пропаганды в начальный период войны стали: во-первых, выработка определенной гибкости и избирательности в подходе к составлению «идеологических наборов» для тех или иных форматов (каналов) пропагандистского воздействия, что позволило решать социально-политические задачи на оккупированных территориях довольно эффективно, работая с целевой аудиторией. Во-вторых, преимуществом «сталинского рупора» стала невероятная отзывчивость на события, происходящие на местах, в занятых противником регионах; оперативный отклик и своевременная реакция на любые действия немецких оккупационных администраций (этот факт с удивлением и раздражением отмечали даже сами германские наместники, сетуя на то, что «события и настроения в оккупированных областях немедленно становятся известными <...> по ту сторону фронта» [32]).

Выводы

Рассмотренный опыт работы с населением оккупированных территорий СССР в период Великой Отечественной войны, на наш взгляд, дает широкие перспективы научному поиску, который, безусловно, следует проводить с учетом специфики современной ситуации, сложившейся в постглобальном мире (каналов и способов информационного воздействия на массовое сознание, используемых в гибридных войнах). Этот опыт вполне может быть востребован и в наши дни, когда противостояние на информационных фронтах приобретает всё более жесткие очертания. И в этом контексте, при сопоставительном анализе, важно расставить правильные акценты, абстрагироваться от идеологической специфики того времени и постараться выявить весь комплекс существенных факторов, повлиявших на использование в каждом конкретном случае той или иной модели политико-идеологического воздействия.

Список источников

1. Медведев А.С. Политическая пропаганда в условиях гибридной войны: принципы, каналы коммуникаций, государственный контроль информационными потоками // Политконсультант. 2022. Т. 2. № 3. С. 1 – 7. URL: <https://politicjournal.ru/PDF/04PK322.pdf> (дата обращения: 03.09.2024)
2. Волковский Н.Л. История информационных войн. Москва, 2003. Т. 2. 735 с.
3. Генштаб ВС России: против России ведется открытая информационная война // Взгляд. 2016. 26 января. URL: <http://www.vz.ru/news/2016/1/26/790613.html> (дата обращения: 04.09.2024)
4. Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты: пер. с англ. С.И. Остенек. Харьков: Гуманитарный центр, 2010. 300 с.
5. Кулик С.В. Советская печатная пропаганда в условиях немецко-фашистской оккупации 1941-1944 гг. (по материалам северо-запада РСФСР) // Россия и мир. Гуманитарные проблемы: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 8. Санкт-Петербург, 2004. С. 107 – 115.

6. Горлов А.С. Патриотическая пропаганда в годы Великой Отечественной войны // Германия в судьбе историка: сборник статей, посвященных 90-летию Я.С. Драбкина. Москва, 2008. С. 194 – 204.
7. Горяева Т.М. «Мы предчувствовали польханье...»: Образ противника в советской пропаганде в годы Великой Отечественной войны // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941-1945): материалы Всерос. науч.-практ. конф. 21-22 апр. 2005 г. Москва, 2007. С. 107 – 113.
8. Ермолов И.Г. Три года без Сталина: Оккупация: Советские граждане между нацистами и большевиками, 1941-1944. Москва, 2010. 381 с.
9. Hosking G. Rulers and Victims: The Russians in the Soviet Union. Cambridge. London, 2006. 543 p.
10. Попович Н.Б. Советская политика по укреплению русского патриотизма и самосознания (1935-1945) // Россия в XX веке: Историки мира спорят. Москва, 1994. 474 с.
11. Halbach, U. Das sowjetische Vielvölkerimperium: Nationalitätenpolitik und nationale Frage. Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich, 1992. 128 p.
12. Попович, Н.Б. Советская политика усиления патриотизма в годы второй мировой войны // Наш современник. 1990. №6. С. 119 – 128.
13. Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) №П509 «Партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков» от 29 июня 1941 года. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/102731> (дата обращения: 05.09.2024)
14. Постановление Совета военно-политической пропаганды при ГлавПУР РККА. Сентябрь 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1057. Л. 2–2об.
15. Сталин И.В. Выступление по радио 3 июля 1941 г. // Известия. 1941. 4 июля. С. 1.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3659. Л. 146–147.
17. Эренбург, И. Убей! // Красная звезда. 1942. 24 июля. – С. 4.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 142. Л. 13–13об.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 138. Л. 12–12об.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 142. Л. 10–10об.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 139. Л. 5–5об, 18–18об, 29–29об, 59–59об.
22. ГПИБ. ОИК-1678.
23. Сталин И.В. Речь на параде Красной Армии // Известия. 1941. 8 ноября. С. 1.
24. Александров Г. Текущий момент Отечественной войны и задачи агитаторов // Большевик. 1942. № 13. С. 42.
25. Козлов Н.Д. IX Царскосельские чтения. Т. 1: Образ врага в сознании народа и отношение к нему в годы Великой Отечественной войны. Санкт-Петербург, 2005. 199 с.
26. Листовка «К белорусскому народу». 1942 г. // ГАРФ. Ф. 9550. Оп. 6. Д. 510. Л. 1об.
27. Докладная записка Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) от 20 августа 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 7. Д. 69. Л. 12 – 13.
28. Листовка «Товарищи!». 1941 г. // ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 97. Л. 3.
29. Листовка «К белорусскому народу». 1942 г. // ГАРФ. Ф. 9550. Оп. 6. Д. 510. Л. 1об.

30. Заславский, Д. Фашизм несет рабство народам // *Большевик*. 1941. № 11-12. 24 с.
31. Листовка «К советскому населению временно оккупированных областей» (1942 г.) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 138. Л. 14–14об.
32. Циркулярное письмо А. Розенберга от 17 марта 1942 г. / пер. с нем. яз. // РГВА. Ф. 1323к. Оп. 2. Д. 268. Л. 8а.

References

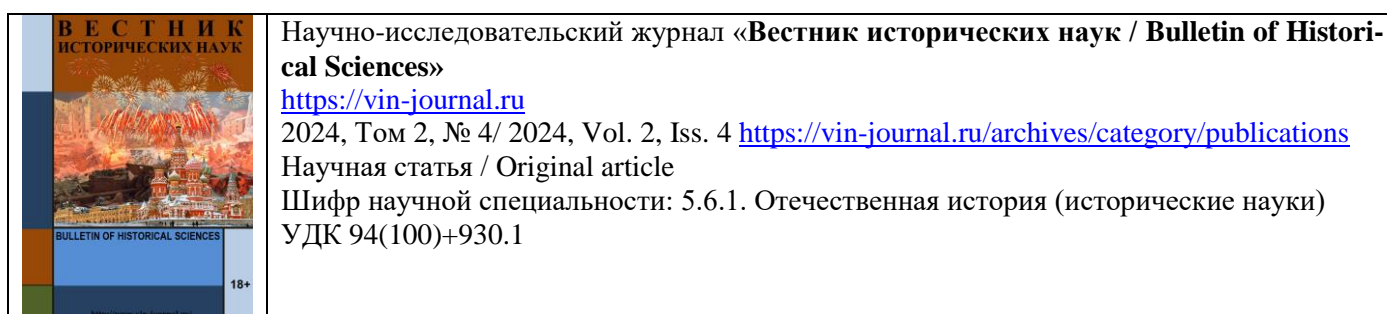
1. Medvedev A.S. Political Propaganda in the Context of Hybrid Warfare: Principles, Communication Channels, and State Control of Information Flows. *Politkonsultant*. 2022. Vol. 2. No. 3. P. 1 – 7. URL: <https://politicjournal.ru/PDF/04PK322.pdf> (date of access: 09.03.2024)
2. Volkovsky N.L. *History of Information Wars*. Moscow, 2003. Vol. 2. 735 p.
3. General Staff of the Russian Armed Forces: An Open Information War is Being Waged Against Russia. *Vzglyad*. 2016. January 26. URL: <http://www.vz.ru/news/2016/1/26/790613.html> (date of access: 09.04.2024)
4. Lilleker D. *Political Communication. Key Concepts*: trans. from English by S.I. Ostenek. Kharkov: Humanitarian Center, 2010. 300 p.
5. Kulik S.V. Soviet Printed Propaganda under the Nazi Occupation of 1941-1944 (Based on Materials from the Northwest of the RSFSR). *Russia and the World. Humanitarian Problems: Interuniversity Collection of Scientific Papers*. Issue 8. St. Petersburg, 2004. P. 107 – 115.
6. Gorlov A.S. Patriotic Propaganda during the Great Patriotic War. *Germany in the Fate of a Historian: A Collection of Articles Dedicated to the 90th Anniversary of Ya.S. Drabkin*. Moscow, 2008. P. 194 – 204.
7. Goryaeva T.M. "We had a premonition of the blaze...": The Image of the Enemy in Soviet Propaganda during the Great Patriotic War. *Unity of the Front and the Rear in the Great Patriotic War (1941-1945): Proc. of the All-Russian Scientific and Practical Conf. April 21-22, 2005*. Moscow, 2007. P. 107 – 113.
8. Ermolov I.G. *Three Years Without Stalin: Occupation: Soviet Citizens between the Nazis and the Bolsheviks, 1941-1944*. Moscow, 2010. 381 p.
9. Hosking G. *Rulers and Victims: The Russians in the Soviet Union*. Cambridge. London, 2006. 543 p.
10. Popovich, N.B. *Soviet Policy to Strengthen Russian Patriotism and Self-Awareness (1935-1945)*. *Russia in the 20th Century: World Historians Argue*. Moscow, 1994. 474 p.
11. Halbach U. *Das sowjetische Vielvölkerimperium: Nationalitätenpolitik und nationale Frage*. Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich, 1992. 128 p.
12. Popovich N.B. Soviet Policy of Strengthening Patriotism during the Second World War. *Nash Sovremennik*. 1990. No. 6. P. 119 – 128.
13. Directive of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) No. P509 "To Party and Soviet Organizations in Front-Line Regions on the Mobilization of All Forces and Resources to Defeat the Fascist Invaders" dated June 29, 1941. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/102731> (date of access: 09.05.2024)

14. Resolution of the Council of Military-Political Propaganda under the Main Directorate of Political and Political Intelligence of the Red Army. September 1942. RGASPI. F. 69. Op. 1. D. 1057. L. 2–2ob.
15. Stalin, I.V. Radio Speech on July 3, 1941. Izvestia. 1941. July 4. P. 1.
16. RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 3659. L. 146–147.
17. Ehrenburg, I. Kill! Krasnaya Zvezda. 1942. July 24. – P. 4.
18. RGASPI. F. 17. Op. 125. D. 142. L. 13–13rev.
19. RGASPI. F. 17. Op. 125. D. 138. L. 12–12rev.
20. RGASPI. F. 17. Op. 125. D. 142. L. 10–10rev.
21. RGASPI. F. 17. Op. 125. D. 139. L. 5–5ob, 18–18ob, 29–29ob, 59–59ob.
22. State Historical Public Library. OIK-1678.
23. Stalin I.V. Speech at the Red Army Parade. Izvestia. 1941. November 8. P. 1.
24. Aleksandrov G. The Current Situation in the Patriotic War and the Tasks of Agitators. Bolshevik. 1942. No. 13. P. 42.
25. Kozlov N.D. The IX Tsarskoye Selo Readings. Vol. 1: The Image of the Enemy in the Minds of the People and Attitudes Toward Him During the Great Patriotic War. St. Petersburg, 2005. 199 p.
26. Leaflet "To the Belarusian People." 1942. GARF. F. 9550. Op. 6. D. 510. L. 1 rev.
27. Memorandum of the Agitation and Propaganda Directorate of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), August 20, 1942. AVP RF. F. 06. Op. 4. P. 7. D. 69. L. 12–13.
28. Leaflet "Comrades!", 1941. TsAMO. F. 32. Op. 11309. D. 97. L. 3.
29. Leaflet "To the Belarusian People." 1942. GARF. F. 9550. Op. 6. D. 510. L. 1 rev.
30. Zaslavsky, D. "Fascism Brings Slavery to the Nations". Bolshevik. 1941. No. 11-12. 24 p.
31. Leaflet "To the Soviet Population of the Temporarily Occupied Regions" (1942). RGASPI. Fund 17. Op. 125. D. 138. L. 14–14ob.
32. Circular letter of A. Rosenberg dated March 17, 1942. translated from German. RGVA. Fund 1323k. Op. 2. D. 268. L. 8a.

Информация об авторе

Филатов Н.П., аспирант, Алтайский государственный педагогический университет

© Филатов Н.П., 2024

¹ Воробьева Н.В.,

¹ Омский автобронетанковый инженерный институт

Историческая память курсантов военного вуза

Аннотация: в статье рассматривается историко-культурная память молодежи. В исследовании мы предлагаем ответ на следующие вопросы: каким образом сохраняется, воспроизводится и проявляет себя историческая память курсантов в оценках этапов развития прошлого страны, важнейших событий и исторических личностей. Рассматривается динамика трансформации исторического сознания за 2009-2024 гг. Указываются значимые, с точки зрения обучающихся, события, личности, исторические периоды, в том числе противоречивые интерпретации исторических фактов.

Ключевые слова: историческая память, историческое сознание, контрпамять, войны памяти

Для цитирования: Воробьева Н.В. Историческая память курсантов военного вуза // Вестник исторических наук. 2024. Том 2. № 4. С. 20 – 28.

Поступила в редакцию: 23 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Vorobyova N.V.,

¹ Omsk Automotive and Armored Engineering Institute

Historical memory of military university cadets

Abstract: the article examines the historical and cultural memory of youth. In the study, we offer an answer to the following questions: how the historical memory of cadets is preserved, reproduced and manifests itself in assessing the stages of development of the country's past, the most important events and historical figures. The dynamics of transformation of historical consciousness for 2009-2024 are considered. Significant events, personalities, and historical periods, including contradictory interpretations of historical facts, are indicated.

Keywords: historical memory, historical consciousness, countermemory, memory wars

For citation: Vorobyova N.V. Historical memory of military university cadets. Bulletin of Historical Sciences. 2024. 2 (4). P. 20 – 28.

The article was submitted: September 23, 2024; Approved after reviewing: November 20, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Зарубежные исследователи полагают, что исследование ист политики памяти (концептуального конструирования социально-важного прошлого со стороны государства посредством коммеморативных практик) связана с исследованиями национализма и, социальное значение коммеморативных практик в формировании исторического сознания выражает идеологическую составляющую, а именно воспроизводство уже существовавшей национальной идентичности [1, с. 451-464, 2, с. 3-31].

Коллективная память была впервые описана французским социологом Морисом Хальбваксом. Исследователь пришел к выводу о том, что воспроизводимые в качестве социального опыта воспоминания не всегда являются воспоминаниями отдельных людей, а в первую очередь формируются на основе коллективного опыта восприятия исторических явлений. Эти воспоминания коммуникативны, существуют вне индивидов и периодически реконструируются социальными группами [3, с. 8-27; 4, с. 67].

Пьер Нора рассматривал теорию Хальбвакса как механизм создания единой исторической основы национальной идентичности и предположил, что государство может создавать «места памяти», где «воспоминания кристаллизуются и передаются от одного поколения к другому» [5, с. 19]. В националистическом дискурсе создается священное пространство для создания чувства патриотического резонанса. Помимо создания чувства общности, места памяти сохраняют социальное наследие исторических периодов коллективной травмы (война, оккупация, терроризм, геноцид), память о такого рода событиях отмечается созданием «священных пространств» для последующих поколений. В данном контексте историческое сознание пересекается не только с политикой памяти, но и с политикой «травмы» [6].

Исследования исторического сознания (memory studies) изучают влияние восприятия прошлого на разные аспекты, включая международные отношения [7], дискурсы идентичности и ответственности государств за исторические правонарушения [8]. Устанавливаются своеобразные семиотические тотемы, посредством которых группы связывают себя друг с другом, а исследования памяти направлены на то, чтобы выяснить, как и почему сообщества помнят и забывают определенные исторические события.

Материалы и методы исследований

С 2009 г. нами проводится лонгитюдное исследование обучающихся омских высших учебных заведений, в котором за 15 лет приняло участие свыше 4 тысяч студентов и курсантов [9 с. 269-277; 10, с. 531-535; 11, с. 172-181]. В 2023-2024 гг. в исследовании приняли участие первокурсники ОАБИИ (350 респондентов).

Методика исследования была направлена на получение данных об уровне знаний исторических событий и личностей, а также оценок наиболее важных событий истории России.

Результаты и обсуждения

Каким образом обучающиеся сами определяют, что такое «историческое сознание»?

Во-первых, историческое сознание воспринимается как понимание сути исторического процесса (42% опрошенных): «то, насколько хорошо понимаешь историю», «присутствие понимания, осознания происходивших событий», «как человек видит прошлое или какие-либо события и что он думает об этом», «осознание исторических событий, способность противостоять пропаганде», «не только знание того, что было до нас, но и старание не допускать этого в свое время».

Во-вторых, историческая сознание понимается как знание истории для предотвращения ошибок (33% респондентов): «знание и понимание истории государства, народов, событий, праздников, войн», «понимание и знание людьми истории, достоверных фактов и не совершение исторических ошибок», «знание о прошлом, имеющаяся память, знание событий, повлиявших на исход дальнейших событий, зафиксированных документально».

В-третьих, курсанты прямо отождествляют понятие «историческая сознание» и «историческая память» (25% респондентов): «память о прошлом и настоящем событиях, явлениях, великих победах, преобразованиях в жизни человека и общества», «коллективная память народа/нации, которая формирует общественное мнение насчет какого-либо деятеля или события», «совокупность всех событий, которая находится во всеобщей памяти».

Кто же, по мнению обучающихся сыграл наибольшую роль в истории России? Респондентам был задан открытый вопрос: «Назовите трех исторических или современных деятелей, которые, по Вашему мнению, сыграл наибольшую роль в истории России». Распределение топ-3 за 15 лет в тройку лидеров входят Петр I, В.В. Путин, И.В. Сталин, В.И. Ленин, Иван IV Грозный (в 2018 г. также Александр Невский).

В 2024 г. (как и за последние пять лет) на первое место курсанты поместили Петра I Великого (92% опрошенных), второе место разделяют В.И. Ленин (87%), И.В. Сталин (85%), В.В. Путин (80%), третье место – А.В. Суворов (18%) (табл. 1).

Таблица 1

Выдающиеся государственные деятели Отечественной истории.

Table 1

Outstanding statesmen of Russian history.

2009-2010 уч.г.	2011-2012 уч.г.	2018-2019 уч.г.	2021-2022 уч.г.	2023-2024 уч.г.
Петр I (80%)	В.В. Путин (75%)	В.В. Путин (88%)	Петр I (62%)	Петр I (92%)
В.В. Путин (35%)	И. В. Сталин/ Иван IV Грозный (60 и 55%)	Иван IV Грозный (64%)	В.В. Путин/ И.В. Сталин (по 24%)	В.И. Ленин (87%), И.В. Сталин (85%), В.В. Путин (80%)
И.В. Сталин (15%)	Петр I (20%)	Александр Невский (30%)	Иван IV Грозный (8%)	А.В. Суворов (18%)

Также курсантами упоминались государственные деятели: Владимир Красное Солнышко, Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Грозный, Екатерина II, М.М. Сперанский, Муравьев-Апостол (декабрист), Александр II, Николай II, М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин, С.К. Шойгу, С. Лавров. Респондентами были отмечены военачальники разных исторических эпох: Евпатий Коловрат, Ермак, М.И. Кутузов, Г.К. Жуков, экипаж танка КВ-1 З.Г. Колобанов; ученые и деятели культуры.

Как мы видим перечень упоминаемых обучающейся молодежью государственных деятелей за последние 15 лет изменился незначительно. Влияют на выбор того или иного государственного деятеля не только личные предпочтения, но и контекст юбилеев исторических событий (100-летие смерти В.И. Ленина).

Респондентам были заданы вопросы о том, какими достижениями в истории России, по их мнению, можно гордиться и какие события прошлого вызывают у них чувства горечи и стыда.

«Событием гордости» неизменно на протяжении 15 лет остается победа в Великой Отечественной войне. Единственное, что изменяется – доля респондентов (табл. 2).

Таблица 2

События гордости в истории России.

Table 2

Events of pride in Russian history.

2009-2010 уч.г.	2011-2012 уч.г.	2018-2019 уч.г.	2021-2022 уч.г.	2023-2024 уч.г.
Победа в Великой Отечественной войне (51%)	Победа в Великой Отечественной войне (71%)	Победа в Великой Отечественной войне (87%)	Победа в Великой Отечественной войне (82%)	Победа в Великой Отечественной войне (96%)
Куликовская битва (25%)	Полет Ю.А. Гагарина в кос- мос (12%)	Крещение Руси (58%)	Дни воинской славы России (24 %)	Куликовская битва (33%)

Продолжение таблицы 2

Continuation of Table 2

Бородинское сражение (12%)	Отечественная война 1812 г. (8%)	Возвращение Крыма (40%)	Полет Гагарина в космос (22%)	Ю.А. СВО (20%)/Отечественная война 1812 г. (18%)
----------------------------	----------------------------------	-------------------------	-------------------------------	--

Победа в Великой Отечественной войне продолжает оставаться самым консолидирующим событием в истории России. Важно отметить, что в опросе 2024 г. появились ответы «защита Донбасса», «присоединение ДНР, ЛНР», начало СВО, Бахмутская мясорубка, взятие Соледара и др.

Впервые именно в опросе 2024 г. упоминается такое событие как «атака мертвецов» (крепость Осовец) в Первую мировую войну, что на наш взгляд стоит объяснить популярностью паблика «Радио Тапок», в котором была сделана кавер-версия хита шведской блэк-металл группы «Сабатон».

Курсанты упоминали в качестве значимых события дореволюционной отечественной истории: Крещение Руси, Ледовое побоище, присоединение Сибири, Новой истории: создание морского флота во времена Петра I, Цусимское сражение, Новейшей истории: Октябрьская революция 1917 г., снятие блокады Ленинграда, создание ОВД, гонка вооружений, первый полет в космос, полет на Луну, выборы президента В.В. Путина.

События в области науки и культуры также были упомянуты курсантами: творчество братьев Стругацких, изобретение АК.

«Событие стыда», в оценке респондентов, долгое время оставалось неизменным – это Перестройка и развал СССР, а в 2021 г. с большей частотностью отмечались жертвы Великой Отечественной войны, блокада Ленинграда, травмирующее военное прошлое (табл. 3).

Таблица 3

События стыда и горечи в истории России.

Table 3

Events of shame and bitterness in Russian history.

2009-2010 уч.г.	2011-2012 уч.г.	2018-2019 уч.г.	2021-2022 уч.г.	2023-2024 уч.г.
Перестройка и развал СССР (15%)	Перестройка и развал СССР (46%)	Перестройка и развал СССР (50%)	Великая Отечественная война, блокада Ленинграда (60%)	Таких событий нет (56%)
Опричнина Ивана Грозного (15%)	Репрессии 1930х гг. (16%)	Передача Крыма Украине (25%)	Террористические акты современности: трагедия в Беслане, нападение на школу в Казани (16%)	Распад СССР (28%)

Продолжение таблицы 3

Continuation of Table 3

Первая мировая война (8%)	Террористические акты (10%)	Октябрьская революция 1917 г. (10%)	Распад СССР / продажа Аляски (по 12%)	Продажа Аляски (15%)/дворцовые перевороты (12%)
---------------------------	-----------------------------	-------------------------------------	---------------------------------------	---

К событиям горечи и стыда курсанты отнесли: Смутное время, смерть Петра Великого, наполеоновская кампания 1805 г., сожжение Москвы в 1812 г., Русско-японская война, Первая мировая война, расстрел последних Романовых, продразверстка и раскулачивание, сталинские репрессии, советско-финская война, советско-польская война, 22 июня 1941 г., хищение исторических ценностей войсками нацистской Германии, смерть Сталина и изменение политического курса, статус России как сырьевого придатка.

На вопрос: **Что для Вас Родина в контексте прошлого, настоящего и будущего?** респонденты предложили несколько вариантов, из которых доминировал аспект места рождения человека, его семьи. Вторым по частотности был вариант ответа, что Родина, это прежде всего высочайшая ценность, которую следует оберегать, защищать, ради которой можно и должно пожертвовать своими интересами.

Таблица 4

Родина в контексте прошлого, настоящего и будущего.

Table 4

Homeland in the context of the past, present, and future.

2018-2019 уч.г.	2021-2022 уч.г.	2023-2024 уч.г.
«Русский мир», образ жизни и мышления; место, где родился и вырос, дом (62%)	«Дом, место рождения», «родная земля» (68%)	«Дом, место, где живет семья и друзья» (77%)
То, ради чего я готов пожертвовать собой, что я готов защищать (32%)	«Родина в прошлом – мои предки, те, кто отдал за будущее жизни. Настоящее – это то, что осталось от старших поколений. Место, где я родился, и чем горжусь. Родина будущего – это то, что я смогу сделать полезного для родины и моего поколения» (48%)	То, ради чего я готов пожертвовать собой, что я готов защищать (20%)

В целом трактовки понимания Родины за пять лет не изменились, «принимаем все недостатки», «откуда не хочется уезжать. Там свои особенности языка, национальности, культуры». Превазирует метафора «родина – дом», при этом стремление к защите Родины: «биться до последней крови», «защищать любой ценой», «Родина – сложное понятие. Некоторые люди могут считать себя в первую очередь жителями своей республики в составе РФ, а во вторую очередь россиянами. Но несмотря ни на что человек всегда имеет родину и является патриотом. Те люди, которые уезжают из России и не хотят возвращаться на

самом деле являются патриотами Америки, Великобритании, Франции, Украины и т.д и считают, что их родина там. Они впитывают культуру тех стран и начинают забывать о своей, но когда приезжают на новую «родину», часто их мнение меняется. Они до приезда в другие страны уничтожают все духовные связи со своей страной и поэтому разочаровывались в новой «Родине», они предпочитают остаться там», Родину «нужно любить, защищать, беречь от неприятностей и гордиться, что ты на ней вырос и живешь».

Вопрос: **Кто, по вашему мнению, является патриотом, что такое патриотизм?**, был воспринят респондентами на личностном, локальном, национальном и глобальном уровнях. В опросе 2018 г. патриот определен как «человек, верный культурным ценностям своей страны» (84%), «Тот, кто гордится своей Родиной», «тот, кто любит и уважает свою Родину», «готовый пойти на жертву/умереть ради своей страны» (75%). Также упоминались отдельные личности: С. Бодров, С. Безруков, Н. Расторгуев, Н. Стариков, П. Мамонов (32%).

Выводы

В 2024 г. превалируют метафоры любви к родине (67%) и ее защиты (54%), кроме этого уважение и знание отечественной истории и культуры (25%) и верность Родине (20%): «уважение исторических памятников и готовность отдать жизнь за Родину», «готовность отдать долг Родине, любовь к близким, чувство ответственности за будущее страны», «желание развивать и защищать свою страну несмотря ни на что», «защита дома, Родины и совершение лучших поступков для ее блага», «гордость за своих предков и память о них».

Социологи и психологи в качестве главных факторов, определяющих специфику поколения, называют появление и распространение смартфонов, компьютерные игры, развитие искусственного интеллекта.

Наиболее явными признаками современного молодого поколения ученые выдвигают следующие: индивидуализм, прагматизм, ориентацию на достижение успеха, снижение критичности мышления, трудность удержания внимания, интровертность, склонность к тревожности и депрессивным состояниям, при этом способность к многозадачности.

На наш взгляд необходимо конкретизировать понятие «историческое сознание курсантов военного вуза», исследовать достаточность педагогических возможностей дисциплин гуманитарного и социально-экономического цикла в развитии исторического сознания курсантов военного вуза и разработать программу развития исторического сознания курсантов с учетом поколенческих особенностей.

Список источников

1. Ranger J., Ranger W. Towards a resonant theory of memory politics // *Memory Studies*. 2023. Vol. 16 (2). P. 451 – 464.
2. Winter J. (2010) Thinking about silence. In: Ben-Ze'ev E., Ginio R., Winter J. *Shadows of War: A Social History of Silence in the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, P. 3 – 31.
3. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2/3 (40/41). С. 8 – 27.

4. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти: пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 345 с.
5. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17 – 50.
6. Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust. New York: Columbia University Press, 2012. 305 с.
7. Langenbacher E., Shain Y. Power and the past: Collective Memory and International Relations. Washington, DC: Georgetown University Press, 2010. 240 с.
8. Эппле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах / 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 576 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).
9. Воробьева Н.В. Историческое самосознание молодежи // Инновационное образование и экономика. 2010. № 6. С. 50 – 53.
10. Воробьева Н.В., Яблочко Е. Патриотизм современного студента // Научно-методический электронный журнал "Концепт". 2016. № Т11. С. 531 – 535.
11. Воробьева Н.В. Историческая память о Великой отечественной войне: траектории меморизации // Богословско-исторический сборник. 2019. № 4 (15). С. 172 – 181.

References

1. Ranger J., Ranger W. Towards a resonant theory of memory politics. *Memory Studies*. 2023. Vol. 16 (2). P. 451 – 464.
2. Winter J. (2010) Thinking about silence. In: Ben-Ze'ev E., Ginio R., Winter J. *Shadows of War: A Social History of Silence in the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, P. 3 – 31.
3. Halbwachs M. Collective and historical memory. *Neprikosovenny zapas*. 2005. No. 2/3 (40/41). P. 8 – 27.
4. Halbwachs M. Social frameworks of memory: trans. from French and introduction by S.N. Zenkin. Moscow: Novoye Izd-vo, 2007. 345 p.
5. Nora P. Problematics of Places of Memory. *France-Memory*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House, 1999. P. 17 – 50.
6. Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust. New York: Columbia University Press, 2012. 305 p.
7. Langenbacher E., Shain Y. Power and the Past: Collective Memory and International Relations. Washington, DC: Georgetown University Press, 2010. 240 p.
8. Epple N. An Inconvenient Past: Memory of State Crimes in Russia and Other Countries. 3rd ed. Moscow: Novoye Literary Observer, 2022. 576 p. (Library of the journal "Neprikosovenny Zapas").
9. Vorobyeva N.V. Historical Self-Awareness of Youth. *Innovative Education and Economics*. 2010. No. 6. P. 50 – 53.

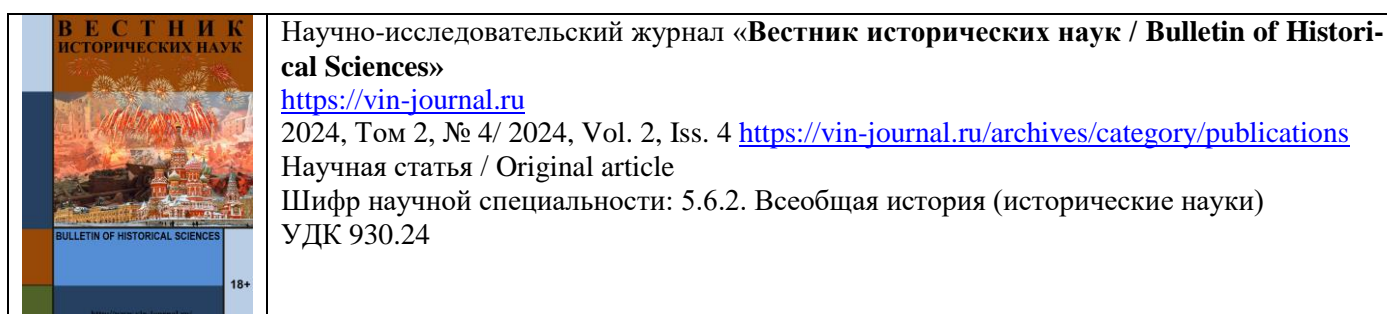
10. Vorobieva N.V., Yablochko E. Patriotism of a Modern Student. Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept". 2016. No. T11. P. 531 – 535.

11. Vorobieva N.V. Historical Memory of the Great Patriotic War: Trajectories of Memorization. Theological and Historical Collection. 2019. No. 4 (15). P. 172 – 181.

Информация об авторе

Воробьева Н.В., Омский автобронетанковый инженерный институт, 644098, г. Омск, 14 Военный городок, otiu@mil.ru

© Воробьева Н.В., 2024

¹ Бойко В.С.,

¹ Алтайский государственный педагогический университет

Международные отношения и трансформация глобальных центров власти: сравнительный анализ формирования политических систем в Китае и Европе в средние века

Аннотация: анализируя трансформацию глобальных центров власти в контексте международных отношений, данная статья сравнивает формирование политических систем в Китае и Европе в средние века. Фокус исследования направлен на анализ структур власти, динамику политических процессов и взаимодействие между различными акторами на международной арене. Сопоставительный подход позволяет выявить сходства и различия в эволюции политических систем, влияние культурных, исторических и географических факторов на формирование властных структур, а также их воздействие на международные отношения. Анализируются ключевые моменты и события, определяющие развитие политических систем в указанных регионах, включая становление центральных властных органов, взаимоотношения с феодальными структурами, механизмы управления и регулирования внешних связей. Результаты исследования способствуют глубокому пониманию процессов трансформации глобальных центров власти и их влияния на международную политику как в прошлом, так и в современном контексте.

Ключевые слова: международные отношения, трансформация, глобальные центры власти, политические системы, Китай, Европа

Для цитирования: Бойко В.С. Международные отношения и трансформация глобальных центров власти: сравнительный анализ формирования политических систем в Китае и Европе в средние века // Вестник исторических наук. 2024. Том 2. № 4. С. 29 – 36.

Поступила в редакцию: 26 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 23 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Boyko V.S.,

¹ Altai State Pedagogical University

International relations and the transformation of global power centers: a comparative analysis of the formation of political systems in China and Western Europe in the Middle Ages

Abstract: analyzing the transformation of global power centers in the context of international relations, this article compares the formation of political systems in China and Europe in the Middle Ages. The research focuses on the analysis of power structures, the dynamics of political processes and the interaction between various actors in the international arena. The comparative approach makes it possible to identify similarities and differences in the evolution of political systems, the influence of cultural, historical and geographical factors on the formation of power structures, as well as their impact on international relations. The article analyzes the key moments and events that determine the development of political systems in these regions, including the formation of central authorities, relations with feudal structures, management mechanisms and regulation of external relations. The results of the research contribute to a deep understanding of the processes of transformation of global power centers and their impact on international politics both in the past and in the modern context.

Keywords: international relations, transformation, global centers of power, political systems, China, Europe

For citation: Boyko V.S. International relations and the transformation of global power centers: a comparative analysis of the formation of political systems in China and Western Europe in the Middle Ages. Bulletin of Historical Sciences. 2024. 2 (4). P. 29 – 36.

The article was submitted: September 26, 2024; Approved after reviewing: November 23, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Международные отношения и трансформация глобальных центров власти представляют собой ключевые аспекты современного политического порядка, обусловленные сложным взаимодействием различных акторов на мировой арене. В этом контексте особый интерес представляет сравнительный анализ формирования политических систем в двух важнейших регионах – в Китае и Европе – в период средних веков.

Средние века были временем глобальных изменений, когда формировались основы современного мирового порядка [4]. В этот период Китай и Европа занимали ведущие позиции в мировой политике, но при этом различались по своим политическим, культурным и экономическим характеристикам. Разбиение политической власти, формирование центральных и региональных структур, а также взаимодействие с внешним миром внесли существенный вклад в дальнейшее развитие обеих цивилизаций [10].

Сегодня, в условиях глобализации и роста мультиполярности международных отношений, понимание исторических процессов формирования политических систем в Китае и Европе приобретает особую акту-

альность. Анализ этих процессов позволяет проследить особенности трансформации глобальных центров власти и их влияние на международную политику в современном мире.

В данной работе предпринимается попытка сопоставительного анализа формирования политических систем в Китае и Европе в средние века с целью выявления ключевых факторов, определяющих эволюцию власти и взаимодействие на международной арене. Сфокусировавшись на структуре власти, механизмах управления и регулирования внешних связей, мы стремимся представить более глубокое понимание процессов, лежащих в основе современного геополитического порядка.

Материалы и методы исследований

В контексте анализа формирования политических систем в Китае и Европе в средние века был применен метод сравнительного анализа, который позволяет выявить сходства и различия между политическими системами двух регионов. Путем сопоставления ключевых аспектов структуры власти, механизмов управления и взаимодействия с внешним миром можно выделить уникальные особенности каждой цивилизации и определить влияние этих факторов на их дальнейшее развитие.

Изучение исторических источников и археологических данных помогает воссоздать образы политических систем в Китае и Европе в средние века. Этот метод позволяет выявить основные этапы развития политической власти, ключевые события и факторы, влиявшие на формирование этих систем.

В процессе институционального анализа исследование институтов политической системы каждого региона позволяет понять, какие структуры власти и правовые механизмы существовали в Китае и Европе в средние века, и как они взаимодействовали как внутри страны, так и за её пределами.

Учитывая значительное влияние культурных и исторических факторов на формирование политических систем, культурно-исторический метод помогает понять, как различные культурные и традиционные аспекты повлияли на структуру власти и взаимоотношения с другими государствами.

Результаты и обсуждения

В контексте сравнения формирования политических систем в Китае и Европе в средние века можно обратить внимание на следующие ключевые аспекты. В Китае существовала императорская система, основанная на «мандате неба», который давал право на управление централизованной империей [9]. В то время как в Европе в средние века существовали феодальные отношения, где власть была разделена между феодалами и королем [5].

В Китае существовала императорская система, основанная на древних династиях. Император, считавшийся Сыном Неба, обладал высшей властью и политическим авторитетом. Его власть распространялась на централизованное государство, которое контролировало административные, военные и экономические аспекты жизни страны. Концепция «мандата неба» предполагала, что император получает право на управление исключительно от высших сил. Это понятие было ключевым в политической легитимации китайских правителей и формировании централизованной власти [9].

Китай имел разветвленную административную систему, состоящую из провинций, управляемых губернаторами и чиновниками, назначаемыми центральным правительством. Это обеспечивало централизацию власти и контроль над регионами [3].

В Европе в средние века власть была распределена между королем и феодалами. Феодалы владели землями и обладали политическими и военными правами в своих владениях, а король имел власть над феодалами и проводил централизацию власти. Король был высшим правителем, обладавшим суверенитетом над всей страной. Он назначал феодалов на должности, контролировал судебную систему и военные силы [8].

Феодалы обладали феодальными обязательствами перед королем, включая военную службу и налогообложение. Эти отношения создавали децентрализованную структуру власти.

Анализ структуры власти в Китае и Европе позволяет более глубоко понять особенности политических систем и их влияние на дальнейшее развитие обеих территорий.

В Китае централизация власти была сильной, особенно в период правления династий Суй, Тан и Мин. В Европе же власть была разделена между различными феодальными владениями, что создавало децентрализованную систему. Китайские императоры стремились к укреплению центральной власти, чтобы обеспечить стабильность и единство в империи. Это включало в себя централизацию политических и административных структур под контролем императора. Китай был разделен на провинции, каждая из которых управлялась назначенным императором губернатором. Это помогало обеспечить централизацию власти и поддерживать контроль над регионами [3].

В феодальной системе власть была распределена между королем и феодалами, которые владели землей и обладали политической автономией в своих владениях. Это приводило к децентрализации политической власти. Феодальные отношения базировались на обмене услугами и лояльности между королем и феодалами. Феодалы предоставляли военные услуги и налоги в обмен на защиту и право владения землей.

И Европа, и Китай сталкивались с вопросами централизации и децентрализации власти, но подходы к этим вопросам были разными. В Китае централизация власти была сильнее, особенно в периоды могущественных династий, в то время как в Европе феодальная децентрализация создавала сложную сеть властных отношений между королем и феодалами.

В Китае влияние конфуцианства и даосизма играло важную роль в формировании политических институтов и ценностей. В Европе христианство имело огромное значение как для политической легитимации, так и для организации общественной жизни [3].

Конфуцианство и даосизм имели глубокое влияние на политические институты и культурные ценности в Китае. Принципы гармонии, добродетели и уважения к старшим служили основой для легитимации императорской власти. Идеалом в китайской политике была меритократия, основанная на заслугах и способностях, что оказывало влияние на систему назначения должностных лиц и бюрократическую эффективность. Торговля по Шелковому пути способствовала распространению культурных и экономических идей, а также укреплению дипломатических отношений Китая с другими государствами.

Христианство было центральным элементом культуры и политики в средневековой Европе. Церковь играла важную роль в легитимации власти, а католическая церковь часто выступала арбитром в конфликтах

между королем и феодалами. Экономические отношения в Европе основывались на феодальной системе, где земля и рабочая сила были основными источниками богатства. Крепостное право обеспечивало феодалам доступ к рабочей силе и управлению землей [5].

Развитие городов и гильдий в Европе способствовало росту экономики, обмену знаний и укреплению местных автономных структур власти. Как в Китае, так и в Европе существовали процессы культурного обмена, способствующие распространению идеологий, технологий и искусства между различными регионами. В обеих системах экономические факторы играли важную роль в формировании политической власти, будь то через контроль над землей, торговлю или налогообложение.

Китай играл активную роль в международной торговле через Шелковый путь [9], в то время как Европа в средние века находилась в периоде развития торговых городов и гильдий, что также оказывало влияние на политические отношения [2].

В истории Китая было множество войн за объединение разрозненных государств под одной властью. Эти войны способствовали формированию централизованного государства и укреплению императорской власти. Китай активно вел дипломатические отношения с соседними странами и цивилизациями через посылных миссий и торговые контакты, что способствовало распространению культурного влияния и обмену технологиями. В период средних веков Китай в основном фокусировался на обороне своих границ от внешних угроз, сохраняя при этом относительный мир внутри своих территорий.

В Европе средних веков велась борьба за власть между различными феодальными правителями, королями и императорами. Эти войны часто определяли структуру власти и границы государств. Крестовые походы являлись важным аспектом политики и внешних отношений в средневековой Европе. Они влияли на дипломатические связи, экономику и культуру региона.

В Европе существовали сложные дипломатические отношения между феодальными правителями, которые влияли на союзы, войны и торговые соглашения. Как в Китае, так и в Европе существовали строгие правила и протоколы в дипломатических отношениях, которые определяли взаимодействие между государствами и регионами [10].

Военные конфликты и дипломатические отношения стимулировали межкультурный обмен, способствуя распространению идей, религий и технологий между Китаем и Европой.

Оба региона сталкивались с военными конфликтами и дипломатическими отношениями как внутри своих границ, так и с внешними акторами, и анализ этих процессов позволяет выявить сходства и различия в политической динамике.

Сравнительный анализ этих аспектов позволяет лучше понять процессы формирования политических систем в Китае и Европе в средние века и их влияние на дальнейшее развитие обеих регионов.

Сопоставительный подход в исследовании позволяет выявить как сходства, так и различия в эволюции политических систем Китая и Европы в средние века. Анализ культурных, исторических и географических факторов помогает понять влияние этих аспектов на формирование властных структур в обоих регионах.

В Китае и Европе оба региона сталкивались с различными вызовами и возможностями, влияющими на структуру власти. Например, в Китае принципы конфуцианства и даосизма играли важную роль в форми-

ровании императорской системы и бюрократических институтов, в то время как в Европе Христианство и феодальные отношения определяли политическую ландшафт.

Кроме того, географические особенности и доступ к ресурсам также оказывали влияние на политическую эволюцию обоих регионов. Например, местоположение Китая на Востоке Азии и его крупные реки способствовали формированию централизованного государства, в то время как феодальная структура Европы была частично обусловлена разнообразным ландшафтом и децентрализацией власти [4].

Эти различия и сходства в структурах власти влияли на международные отношения обоих регионов. Например, международные торговые маршруты, такие как Шелковый путь в Китае и торговые города в Европе, способствовали культурному обмену и дипломатическим отношениям между различными государствами и регионами. В то же время, военные конфликты и войны за власть имели важное значение для формирования международного политического порядка.

Таким образом, сопоставительный подход позволяет не только выявить сходства и различия в эволюции политических систем в Китае и Европе, но и понять взаимосвязь между культурными, историческими и географическими факторами и их влиянием на формирование властных структур и международные отношения в обоих регионах.

Выводы

Исследование структур власти, динамики политических процессов и взаимодействия на международной арене в Китае и Европе в средние века позволяет сделать несколько ключевых выводов. Китай и Европа развивались по-разному из-за различий в культурных, исторических и географических факторах. Китай характеризовался централизованной императорской системой, в то время как в Европе преобладали феодальные отношения и децентрализованная власть.

Культурные и религиозные аспекты, такие как конфуцианство и даосизм в Китае, а также Христианство в Европе, играли ключевую роль в формировании политических институтов и ценностей обоих регионов. В обоих регионах наблюдалась эволюция политических процессов, включая централизацию и децентрализацию власти, смену династий и королевских домов, а также конфликты между различными властными структурами.

Международные отношения Китая и Европы в средние века были сформированы в значительной степени через торговые связи, дипломатические миссии и военные конфликты. Важным аспектом был культурный обмен, который способствовал распространению идей и технологий.

Использование сопоставительного подхода позволяет выявить как сходства, так и различия в политических системах обоих регионов, а также понять влияние культурных, исторических и географических факторов на эти системы и их взаимодействие на международной арене.

Таким образом, исследование этих аспектов позволяет более глубоко понять формирование политических систем в Китае и Европе в средние века и их влияние на международные отношения, а также выявить важные закономерности и тенденции в развитии общественно-политических структур в обоих регионах.

Список источников

1. Басовская Н.И. Столетняя война 1337-1453 гг. М., 1985. 382 с.
2. Бессмертный Ю.Л. Феодалная революция X-XI вв. // Вопросы истории. 1984. № 1. С. 83 – 90.
3. Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М., 1998. 451 с.
4. История Востока. Т. I. Восток в древности. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 490 с.
5. Колесницкий Н.Ф. «Священная Римская империя»: Притязания и действительность. М., 1977. 291 с.
6. Колесницкий Н.Ф. Феодалное государство VI-XV вв. М., 1984. 395 с.
7. Курбатов Г.Л. История Византии (от античности к феодализму). М., 1984. 415 с.
8. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. 289 с.
9. Рубин В.А. Личность и власть в древнем Китае: Собрание трудов. М., 1999. 275 с.
10. Сюзюмов М.Я. «Разделение церквей» в 1054 году // Вопросы истории. 1956. № 8. С. 63 – 68.
11. Штокмар И.В. История Англии в средние века. Л., 1973. 482 с.

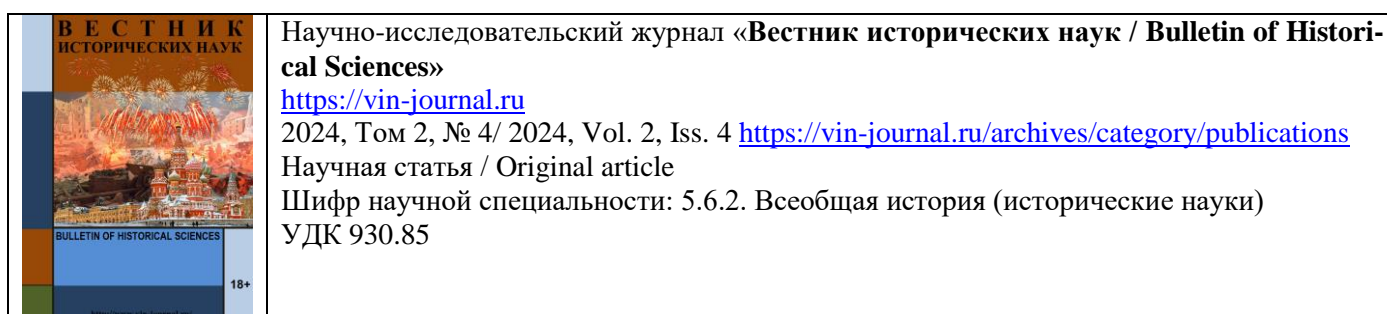
References

1. Basovskaya N.I. The Hundred Years' War 1337-1453. Moscow, 1985. 382 p.
2. Bessmertny Yu.L. Feudal Revolution of the 10th-11th Centuries. Questions of History. 1984. No. 1. P. 83 – 90.
3. Vasiliev K.V. The Origins of Chinese Civilization. Moscow, 1998. 451 p.
4. History of the East. Vol. I. The East in Antiquity. Moscow: Publishing Firm "Vostochnaya Literature" of the Russian Academy of Sciences, 1997. 490 p.
5. Kolesnitsky N.F. "The Holy Roman Empire": Claims and Reality. Moscow, 1977. 291 p.
6. Kolesnitsky N.F. The Feudal State of the 6th-15th Centuries. Moscow, 1984. 395 p.
7. Kurbatov G.L. History of Byzantium (from Antiquity to Feudalism). Moscow, 1984. 415 p.
8. Le Goff J. Civilization of the Medieval West. Moscow, 1992. 289 p.
9. Rubin V.A. Personality and Power in Ancient China: Collected Works. Moscow, 1999. 275 p.
10. Syuzyumov M.Ya. "The Division of the Churches" in 1054. Questions of History. 1956. No. 8. P. 63 – 68.
11. Shtokmar I.V. History of England in the Middle Ages. Leningrad, 1973. 482 p.

Информация об авторе

Бойко В.С., доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет

© Бойко В.С., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник исторических наук / **Bulletin of Historical Sciences**»
<https://vin-journal.ru>
2024, Том 2, № 4/ 2024, Vol. 2, Iss. 4 <https://vin-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 930.85

¹ Скопа В.А.,

¹ Барнаульская духовная семинария

Распространение христианства и формирование религиозного ландшафта в раннем средневековье: динамика распространения и взаимодействия христианства, иудаизма и язычества

Аннотация: статья исследует динамику распространения христианства и его взаимодействие с другими религиозными системами – иудаизмом и язычеством – в раннем средневековье. Автор анализирует факторы, способствующие распространению христианства, такие как миссионерская деятельность, политические и культурные изменения, а также реакцию на социальные и экономические кризисы. Особое внимание уделяется взаимодействию между христианством, иудаизмом и язычеством, их влиянию друг на друга и формированию религиозного ландшафта в раннем средневековье. Результаты исследования помогают лучше понять процессы формирования и эволюции религиозных верований в период перехода от древности к средневековью.

Ключевые слова: раннее Средневековье, религиозные ландшафт, христианство, иудаизм, язычество, взаимодействие

Для цитирования: Скопа В.А. Распространение христианства и формирование религиозного ландшафта в раннем средневековье: динамика распространения и взаимодействия христианства, иудаизма и язычества // Вестник исторических наук. 2024. Том 2. № 4. С. 37 – 44.

Поступила в редакцию: 29 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 26 ноября 2024 г.; Принята к публикации: 27 декабря 2024 г.

¹ Skopa V.A.,

¹ Barnaul Theological Seminary

The spread of Christianity and the formation of the religious landscape in the Early Middle Ages: dynamics of the spread and interaction of Christianity, Judaism and Paganism

Abstract: the article explores the dynamics of the spread of Christianity and its interaction with other religious systems – Judaism and Paganism – in the early Middle Ages. The author analyzes the factors contributing to the spread of Christianity, such as missionary activity, political and cultural changes, as well as reactions to social and economic crises. Special attention is paid to the interaction between Christianity, Judaism and paganism, their influence on each other and the formation of the religious landscape in the early Middle Ages. The results of the study help to better understand the processes of formation and evolution of religious beliefs during the transition from antiquity to the Middle Ages.

Keywords: early Middle Ages, religious landscapes, Christianity, Judaism, Paganism, interaction

For citation: Skopa V.A. The spread of Christianity and the formation of the religious landscape in the Early Middle Ages: dynamics of the spread and interaction of Christianity, Judaism and Paganism. *Bulletin of Historical Sciences*. 2024. 2 (4). P. 37 – 44.

The article was submitted: September 29, 2024; Approved after reviewing: November 26, 2024; Accepted for publication: December 27, 2024.

Введение

Распространение христианства и формирование религиозного ландшафта в раннем средневековье являются ключевыми аспектами изучения религиозной и культурной истории Европы. Этот период, характеризующийся значительными социальными и политическими перемещениями, а также культурными трансформациями, имел огромное значение для формирования религиозных традиций и идентичностей, которые оказали глубокое воздействие на последующие эпохи.

С ранних времен христианство играло важную роль в развитии европейской цивилизации, начиная с его зарождения в первом веке н.э. Однако, именно в раннем средневековье, христианская церковь столкнулась с серьезными вызовами, связанными с адаптацией к новым культурным и социальным условиям, а также с конкуренцией с другими религиозными системами, такими как иудаизм и язычество.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы рассмотреть динамику распространения христианства в раннем средневековье и его взаимодействие с другими религиозными традициями. Мы сосредоточимся на анализе различных факторов, влияющих на процесс распространения христианства, а также на воздействие этого процесса на формирование религиозного ландшафта того времени. Особое внимание будет уделено исследованию взаимодействия между христианством, иудаизмом и язычеством, их конфлик-

там, а также соприкосновению и сотрудничеству в рамках социокультурного контекста раннего средневековья.

Через анализ этих взаимосвязанных процессов можно не только лучше понять религиозные трансформации того времени, но и их влияние на общественную жизнь, культурное развитие и формирование идентичности в Европе в период перехода от античности к средневековью.

Материалы и методы исследований

В работе был применен анализ исторических источников, включая хроники, летописи, документы церковных соборов, письма, археологические находки и т.д. для восстановления процессов распространения христианства, его взаимодействия с другими религиями и формирования религиозного ландшафта. В рамках культурно- исторического подхода был проведен анализ культурных и общественных контекстов, в которых происходили процессы распространения христианства и взаимодействия религиозных традиций. Также было проведено исследование социальных структур и динамик общества раннего средневековья с учетом религиозных аспектов с использованием социологического метода.

Результаты и обсуждения

Раннее средневековье действительно представляло собой период значительных религиозных и культурных трансформаций в Европе [4]. Распространение христианства играло ключевую роль в этих изменениях, в то время как его взаимодействие с другими религиями, включая иудаизм и язычество, формировало сложный религиозный ландшафт этого периода.

Этот период характеризовался не только процессом конверсии к христианству многих народов Европы, но и борьбой за доминирование между различными религиозными традициями [9]. Взаимодействие христианства с иудаизмом, как его предшественником, и с язычеством, как доминирующей религией в предхристианской Европе, формировало сложные диалектические отношения, влияющие на культурные и социальные практики того времени.

Рассматриваемая эпоха также характеризовалась интенсивной миссионерской деятельностью христианской церкви, направленной на распространение христианства среди язычников и евреев. Эта миссионерская деятельность столкнулась с сопротивлением и реакцией со стороны существующих религиозных общин, что привело к различным формам конфликтов и взаимодействия.

Таким образом, раннее Средневековье было периодом не только становления христианства как доминирующей религии в Европе, но и временем, когда религиозный ландшафт континента формировался под влиянием различных религиозных и культурных воздействий.

Понимание воздействия распространения христианства на социокультурную среду раннего средневековья требует анализа не только изменений в религиозных убеждениях, но и их влияния на общественные, культурные и политические структуры того времени.

Распространение христианства влияло на структуру общества, так как новая религия пропагандировала принципы равенства перед Богом и братство всех верующих. Это могло привести к изменениям в социаль-

ном стратификации и взаимоотношениях в обществе [5]. Христианство внесло существенный вклад в развитие культуры раннего средневековья через поддержку образования, создание литературы, искусства и архитектуры. Это включало создание монастырей, где развивались культура и образование, а также строительство церквей как центров духовной и культурной жизни.

Распространение христианства имело влияние на политическую карту раннего средневековья, поскольку церковь и государство часто взаимодействовали друг с другом. Христианство стало фактором, определяющим легитимность правления монархов и формирование их власти.

Христианство предложило новую систему ценностей и этических принципов, которые оказали влияние на поведение и моральные устои общества. Это включало такие аспекты, как милосердие, прощение, этика труда и отношения между людьми [10].

Распространение христианства также имело важное значение в контексте взаимодействия с другими религиями, такими как иудаизм и язычество, что привело к различным формам диалога, конфликтов и культурного обмена.

Анализ этих аспектов поможет понять глубокое влияние распространения христианства на социокультурную среду раннего средневековья и его роль в формировании общественной жизни и культурного развития Европы.

Факторы, влияющие на распространение христианства:

1. Христианство активно распространялось благодаря деятельности миссионеров, которые путешествовали по различным регионам, проповедуя новую религию и обращая к ней новых последователей. Они часто адаптировали свои методы проповеди к местным культурным и религиозным контекстам, что способствовало успешному проникновению христианства в различные общества.

2. Политические факторы также играли ключевую роль в распространении христианства. Некоторые правители принимали христианство как государственную религию и активно поддерживали его распространение, в то время как другие использовали его в качестве инструмента для укрепления своей власти и централизации власти [6].

3. Социальные изменения, такие как ухудшение условий жизни в периоды кризисов и нестабильности, могли способствовать притягательности христианства для людей, ищущих надежду и толчок для социальной мобильности. Кроме того, распространение христианства могло быть усилено через формирование сообществ солидарности и взаимопомощи внутри христианских общин [4].

4. Христианство также взаимодействовало с существующими культурными традициями и верованиями, адаптируя и интегрируя их в свою доктрину и обряды. Это делало христианство более привлекательным для людей, ищущих новые духовные пути, но также способствовало сохранению некоторых аспектов местных культур.

Эти факторы взаимодействовали и взаимоусиливали друг друга, создавая благоприятную среду для распространения и укоренения христианства в различных обществах раннего средневековья.

Взаимодействие между христианством, иудаизмом и язычеством в раннем средневековье было сложным и многослойным процессом, который оказывал влияние на каждую из этих религиозных традиций. Взаи-

модействие между христианством и иудаизмом было комплексным. С одной стороны, христианство возникло из иудаизма, и некоторые его элементы, такие как Ветхий Завет, были унаследованы от иудаизма. С другой стороны, христианство развивалось как отдельная религия с собственными доктринами и практиками, что привело к разделению иудейского и христианского сообществ.

Христианство проистекает из иудаизма и сохраняет многие его духовные и культурные элементы. Это включает в себя уважение к еврейским Писаниям, празднование еврейских праздников, а также использование еврейских образов и символов в христианской традиции [3]. Однако, с развитием христианства, произошло разделение между христианством и иудаизмом. Хотя христианство унаследовало многие аспекты еврейской веры, оно также привнесло новые доктрины, такие как учение о Христе как Мессии и Спасителе, которые стали основными различиями между христианством и иудаизмом.

Также христианство активно адаптировало языческие практики и обычаи для интеграции язычников в новую религию [8]. Например, многие христианские праздники, такие как Рождество и Пасха, были адаптированы из языческих празднеств и обрядов. В то же время, языческие культы и их последователи сопротивлялись распространению христианства и часто выступали против его проповедников. Это создавало конфликты и напряженность между языческими и христианскими сообществами.

Эти процессы взаимодействия между христианством, иудаизмом и язычеством формировали сложный религиозный ландшафт раннего средневековья и оказывали взаимное влияние на каждую из этих религиозных традиций.

Христианство влияло на языческие верования, проникая в существующие языческие культы и адаптируя их обряды и символику под христианский контекст. Это проявлялось в процессе христианизации языческих праздников и мест культа, что способствовало постепенному замещению языческих обрядов христианскими.

В раннем средневековье конкуренция между христианством и иудаизмом была связана не только с религиозными аспектами, но и с политическими и социальными факторами. Христианство стремилось утвердить себя как преемника иудаизма, а иногда и вводило антииудейские политики и доктрины, чтобы укрепить свою позицию.

Конкуренция между христианством и язычеством была основана на более прямой борьбе за верующих и духовное господство. Христианство часто встречало сопротивление со стороны языческих культов и их последователей, что приводило к конфликтам и даже преследованиям [7].

Эти взаимодействия формировали сложный религиозный ландшафт раннего средневековья, в котором каждая религиозная традиция влияла на другие и в то же время подвергалась их воздействию.

Некоторые христианские власти использовали антииудейскую риторику и преследования для укрепления позиций христианства и ограничения влияния иудаизма. Это проявлялось в законодательстве, которое ограничивало права иудеев, и в насилии, направленном против еврейских общин.

Христианство и язычество сталкивались с противостоянием и конфликтами, особенно в местах, где языческие культы были сильно укоренены. Это могло приводить к напряженным отношениям и даже к преследованиям христиан [4]. Однако христианство также активно адаптировало языческие обычаи и обряды для

привлечения язычников. Многие языческие праздники и обряды были включены в христианскую традицию с изменениями и трансформациями, чтобы соответствовать христианским убеждениям.

Иудаизм и язычество в свою очередь выражали сопротивление распространению христианства. Они сохраняли свои традиции и верования, защищая свои общины от влияния христианства и борясь за свои права и свободы вероисповедания.

Некоторые языческие культы и иудейские общины также могли адаптироваться к новым условиям, интегрируя элементы христианства в свою практику или ища компромиссы с христианскими властями.

Эти реакции на конкуренцию между христианством, иудаизмом и язычеством формировали сложный религиозный ландшафт раннего средневековья и оказывали важное влияние на развитие и изменение этих религиозных традиций.

Религия играла ключевую роль в формировании культурных и идентитетных аспектов общества раннего средневековья. Религия определяла основные культурные ценности общества, включая этику, мораль, обряды и символику. Верования и ценности, проповедуемые религиозными учениями, формировали поведение и нормы общества, направляя его культурное развитие.

Религия служила источником единства и солидарности в обществе, объединяя людей вокруг общих верований и обрядов. Религиозные общины становились центрами социальной и культурной жизни, способствуя формированию общего идентитета [4].

Религия играла роль основы социальной организации, определяя иерархию и структуру общества. Церковь была не только духовным центром, но и социальным институтом, влияющим на политические и экономические отношения. Религия была средством сохранения и передачи культурного наследия, включая мифы, легенды, обряды и искусство. Храмы, монастыри и святыни служили местами хранения и изучения культурных ценностей и знаний.

Религия способствовала формированию индивидуального и коллективного идентитета людей. Вера и принадлежность к определенной религиозной общине определяли человеческую самооценку, чувство принадлежности и место в обществе [6].

Таким образом, религия в раннем средневековье не только была формой духовной практики, но и служила мощным культурным и идентитетным фактором, определяя многие аспекты общественной жизни и культурного развития.

Выводы

Распространение христианства имело значительное влияние на формирование религиозного ландшафта раннего средневековья. Оно вызывало изменения не только в самих религиозных верованиях, но и в культурных, социальных и политических аспектах общества. Взаимодействие христианства с иудаизмом и язычеством было многослойным и часто противоречивым. Оно охватывало различные аспекты, включая культурные, социальные, политические и экономические.

Распространение христианства сопровождалось конкуренцией с другими религиями, а также адаптацией и взаимным влиянием между религиозными традициями. Эти процессы привели к изменениям в культурных и идентичных аспектах общества.

Религия играла ключевую роль в формировании культурного наследия общества, сохраняя и передавая ценности, обычаи, обряды и идеи. Это влияло на развитие идентичности и самосознания людей того времени.

Изучение взаимодействия религий в раннем средневековье помогает понять современные культурные, религиозные и социальные динамики. Следы этих процессов можно обнаружить в современной Европе и мировом обществе.

Таким образом, анализ роли распространения христианства и его взаимодействия с другими религиями в раннем средневековье расширяет наше понимание культурной и религиозной истории, а также динамики формирования общества в прошлом и настоящем.

Список источников

1. Андреев М. Цивилизационные закономерности и региональные особенности миссионерской деятельности христианских проповедников в Британии I-VI веков // Христианское чтение. 2017. № 6. С. 63 – 72.
2. Анисимова Е.Е. О гетерогенности религиозного дискурса // Семиотическая гетерогенность языковой коммуникации: теория и практика. Часть II. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. С. 9 – 22.
3. Добиаш-Рождественская О. А. Культура западноевропейского средневековья. Научное наследие. М.: Наука, 1987. 351 с.
4. Жильсон Э. Философия в средние века. От истоков патристики до конца XIV века: пер. с фр. М.: Республика, 2004. 678 с.
5. Золотухина Н.М. Средневековые мыслители России о правде, законе, справедливости, истине и Благодати // Труды Института государства и права РАН. 2018. №2. С. 111 – 117.
6. Казанцева Ю.М. Ментальная база перевода религиозных текстов // Религиозная коммуникация: профессиональный и лингвистический аспекты. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2010. С. 55 – 70.
7. Спивак И.А. Аравийское язычество: почему нет? // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2015. № 4. С. 91 – 96.
8. Таривердиева М.А. Христианский дискурс и античная культура // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 5 (716). С. 53 – 59.

9. Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего Средневековья. М.: Наука, 1989. 320 с.
10. Этингоф О.Е. Древние истоки образа Мыслителя // Искусство Евразии. 2018. № 3 (10). С. 120 – 127.

References

1. Andreev M. Civilizational Patterns and Regional Peculiarities of Missionary Activity of Christian Preachers in Britain in the 1st – 6th Centuries. *Christian Reading*. 2017. No. 6. P. 63 – 72.
2. Anisimov E.E. On the Heterogeneity of Religious Discourse. *Semiotic Heterogeneity of Linguistic Communication: Theory and Practice. Part II*. Moscow: Moscow State Linguistic University, 2013. P. 9 – 22.
3. Dobiash-Rozhdestvenskaya O.A. The Culture of the Western European Middle Ages. *Scientific Heritage*. Moscow: Nauka, 1987, 351 p.
4. Gilson E. *Philosophy in the Middle Ages. From the Origins of Patristics to the End of the 14th Century*. Translated from French. Moscow: Respublika, 2004. 678 p.
5. Zolotukhina N.M. Medieval Russian Thinkers on Pravda, Law, Justice, Truth, and Grace. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2018. No. 2. P. 111 – 117.
6. Kazantseva Yu.M. Mental Basis for Translation of Religious Texts. *Religious Communication: Confessional and Linguistic Aspects*. Moscow: Institute of Advanced Studies of Moscow State Linguistic University “Rema”, 2010. P. 55 – 70.
7. Spivak I.A. Arabian Paganism: Why Not? *Scientific Notes of the Vernadsky Crimean Federal University. Historical Sciences*. 2015. No. 4. P. 91 – 96.
8. Tariverdieva M.A. Christian Discourse and Ancient Culture. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2015. No. 5 (716). P. 53 – 59.
9. Ukolova V.I. *The Ancient Heritage and Culture of the Early Middle Ages*. Moscow: Nauka, 1989. 320 p.
10. Etingof O.E. Ancient Origins of the Image of the Thinker. *Art of Eurasia*. 2018. No. 3 (10). P. 120 – 127.

Информация об авторе

Скопа В.А., доктор исторических наук, профессор, Барнаульская духовная семинария

© Скопа В.А., 2024